

**Традиционная и инновационная наука: история,
современное состояние, перспективы: Сборник статей
Международной научно-практической конференции,
15 ноября 2016 г. Екатеринбург: НИЦ АЭТЕРНА, 2016.
С. 121 – 128.**

УДК 94+261.7+322+299+284.9

Ж. В. Яковлева,

аспирант кафедры отечественной истории и историографии
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского»,
г. Саратов, Российская Федерация

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В
КОНЦЕ 1920 – Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Автор статьи на основе архивных материалов показывает деятельность «свободных церквей» («сект») в их взаимоотношениях и противоборстве с советской властью в Саратовском Поволжье к концу 1920 - х гг. Автор в статье использует два термина – «секты», которое распространено до сих пор в отечественной историографии и «свободные церкви», которое широко распространено в современной зарубежной историографии.

Ключевые слова: «свободные церкви», «секта», советская власть, религия, Саратовское Поволжье, 1920 - е гг.

Саратовское Поволжье к концу 1920 - х гг. изобиловало религиозным многообразием [17]. Имевшее место после революции противостояние советской власти основным конфессиям (православию, лютеранству, католицизму, исламу, иудаизму) продолжалось и набирало обороты, В то же время, большевики начали борьбу и с другими верованиями, к которым ранее проявлялась относительная лояльность. Речь идет о различного рода деноминациях и «свободных церквах» («сектах»).

Израильский советолог М. Агурский утверждал, что: «Религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов, несмотря на кажущуюся противоположность». Эта общность, по словам историка, проявлялась в стремлении к «полному разрушению старого мира», причем «нельзя обойти молчанием и их (большевиков) поддержку <...> баптистами, евангелистами, адвентистами седьмого дня». Последние, к примеру, даже утверждали, что на Ленине «почиет благодать Божия» [1].

Агурский утверждает: «вряд ли большевики смогли бы прийти и удержаться у власти, если бы среди прочих сил, которые их поддерживали в первый период, не оказались

многочисленные массы сектантов - нигилистов, принявших участие в процессе разрушения, носившем для них мистический характер» [1].

Не имеем возможности подтвердить или опровергнуть подобную значимость сектантов в революционном движении. Однако, тот факт, что в течение 1920 - х гг. в Саратовском Поволжье количество деноминаций и «сект», а также их численность заметно выросли, они имели возможность действовать полулегально, а иногда и почти свободно, позволяет утверждать, что отношение государства к этим деноминациям и «сектам» первоначально было достаточно спокойным, об этом говорят многочисленные архивные свидетельства [11, л. 94об; 9, л. 48 и др.]. Возможно, в этих религиозных организациях большевики видели своих бывших союзников по противостоянию царской власти. В качестве доказательства приведем цитату из отчета Саратовского губкома ВКП(б) «Состояние религиозного движения» за 1927 год: «...сектантство в условиях царизма и буржуазной диктатуры <...> играло объективно - революционную роль» <...> в условиях пролетарской диктатуры оно превратилось в полную противоположность» [7, л. 12 - 12об]. В отчете Красного Совета Союза воинствующих безбожников за 1928 – начало 1929 года говорится о том, что необходимо «развенчивать мифы» о революционных заслугах сектантов в борьбе с самодержавием, а также «лицемерное заявление» о поддержке сектантами советской власти [14, л. 69].

Различного рода деноминации и «секты» существовали практически во всех районах Саратовского Поволжья. Однако «центром сектантского движения» саратовские руководители считали Балашовский район. Здесь были баптисты, евангельские христиане, молокане, субботники, адвентисты, сионисты, хлысты, толстовцы и др. Одних только учтенных «сектантов» было свыше 3 тыс. человек. Как отмечали представители местной власти, «это видимо только активисты, всю массу учесть не поддается возможным» [9, л. 48]. В Балашовском районе было 13 населенных пунктов, где действовали религиозные молодежные организации, еще в 14 велась работа по их созданию [9, л. 48].

В первой половине 1920 - х гг. нередки были случаи постройки новых молельных домов для различных «сект», передача им зданий под молельные дома. Например, такие случаи имели место в поселке Ртищево Ртищевского района, в селе Софьино Аркадакского района. [12, л. 48 - 49].

Однако, ближе к концу 1920 - х гг., по мере нарастания решимости власти осуществить социалистический переворот в деревне и начать форсированную модернизацию страны, отношение к деноминациям и «сектам» стало меняться. Все больше стала утверждаться идея, что любая «сектантская община» управляется кулаками или контрреволюционными элементами на службе Запада – классовым врагом, другими словами, у большевиков стал преобладать классовый принцип отношения к таким религиозным организациям. Курс партии на ограничение «кулацких элементов», а затем переход к социалистической реконструкции деревни и на ее основе «ликвидации кулачества как класса» создавал новую обстановку, что отражалось на взаимоотношениях с «сектантами». Они стали обостряться.

Наиболее активно из неосновных конфессий в Саратовском Поволжье проявляли себя баптисты – представители одной из ветвей протестантизма. Как уже отмечалось, их численность за 1920 - е гг. заметно выросла. Причем подавляющая часть баптистов были русскими. Они, в основной своей массе, проживали в Саратовском, Новоузенском, Вольском, Екатерининском, Балашовском районах [9, л. 48]. Местные религиозные

общины получали выходявший централизованно в СССР журнал «Баптист» и другую религиозную литературу, значительная часть которой поступала из - за рубежа [16].

В баптистской общине г. Саратова, насчитывавшей до 180 человек, примерно 20 % составляли рабочие и столько же служащих. Общину возглавлял некий Мароков – «хитрый и пронирыливый», как говорится в отчете Саратовского Губкома [7, л. 13].

Вероятно, что не только внешние факторы в лице большевиков, но и внутренние противоречия и разногласия в религиозных группах вызывали их дробление. Так, например в 1925 г. от баптистской общины в г. Саратове отделилась группа «прохановцев» и возглавлял ее Поляков [7, л. 13]. Разногласия часто возникали в «сектантских общинах», в силу чего они делились на левое и правое крыло (кулаки и беднота) [7, л. 12].

В сельской местности баптистские общины более чем наполовину состояли из середняков и бедняков. Зажиточных крестьян в общинах насчитывалось примерно от 20 до 40 % . Значительная часть баптистских общин существовала в форме промышленных артелей, производя продовольственные и промышленные товары. Так, например, баптистские кооперативы в Летаевке и Малиновке Балашовского района производили сыр, а также баптистские артели занимались ткацким производством [11, л. 94].

Баптисты и некоторые другие деноминации копировали все основные формы большевистской работы и противопоставляли Революционным праздникам новые религиозные праздники. Празднику 1 Мая противопоставлялся праздник «Братской внеклассовой солидарности всех верующих во Иисуса Христа», Международному дню солидарности трудящихся женщин 8 марта – «Международный день женщин христианок», Дню Урожая – «Жатва Евангелия» и др. В противовес большевистскому «культурпоходу» в деревню евангелисты устраивали «ликвидацию библейской неграмотности», а также ездили по районам и показывали религиозные представления. Школам - передвижкам противопоставлялись библейские школы передвижки, которые разезжали в сопровождении хоровых и музыкальных кружков. Такие школы побывали в Ртицево, в селах Нарышкино, Макарово, Львовка, Большая Грязнуха и др. [9, л. 48].

Баптисты и молокане организовывали молодежные и детские религиозные организации: вместо комсомола - «христомол», вместо пионерской организации - организации «христианские зернышки» или «белые пионеры». «Сектанты» активно пропагандировали свои вероучения в школах, техникумах и вузах.

Для молодежи организовывались религиозные литературные и музыкальные вечера, оказывалась материальная помощь нуждающимся юношам и девушкам, оказывалось содействие в поиске работы и бесплатного жилья. Для девушек организовывались бесплатные курсы кройки и шитья, курсов «изящных рукоделий». С молодежью проводили индивидуальные беседы на квартирах, заинтересовывали их религиозными постановками, библейскими вечерами [9, л. 48об].

В «Христомоле» существовали особые правила поведения, своеобразный устав: членам этой религиозной молодежной организации запрещалось посещать советские театры, кино, концерты, лекции, дабы они не действовали разлагающе на юные умы. Члены «Христомола» давали при вступлении в эту организацию торжественное обещание не пить, не курить, не сквернословить, строго соблюдать правила гигиены: тщательно мыть руки и лицо, чистить зубы, ходить не менее раза в неделю в баню, тщательно следить за чистотой и санитарным состоянием своего жилища. «В квартирах членов «Христомола» совершенно

не должно быть тараканов, клопов и прочей нечистоты», - отмечалось в уставном документе [10, л. 38]. Членам «Христомола» вменялась забота об улучшении своего хозяйства, земледелия и скотоводства. Использовать они должны были новейшие технологии в хозяйстве, куры, овцы, свиньи должны были быть только лучшими и породистыми. Одним словом, их хозяйства должны были быть образцово - показательными для окружающего населения. Тех, кто посещал советские мероприятия – театр, кино, обращался в советский суд, баптисты исключали из своей общины [10, л. 38].

Большевики, делая акцент на классовой сущности религии, в своих документах считали, что руководили религиозными организациями, в том числе и «Христомолом», о котором писалось выше, «нэпмановские элементы», т.е. зажиточные крестьяне, предприниматели (бывшие купцы, торговцы), а также бывшие жандармы, эсеры, одним словом – недруги советской власти [10, л. 38].

В 1928 г., когда власть активизировала борьбу с баптистами и другими религиозными деноминациями и «сектами» на территории СССР, среди баптистских общин распространялось письмо, в котором содержались такие строки: «Мы, проповедники Евангелия в СССР, находимся в огненном кольце антихристового окружения <...> для того, чтобы победить врага нам нужно овладеть его оружием, изучить его приемы, тактику, методологию. Мы, проповедники Евангелия, в условиях переживаемого момента должны заняться серьезным и основательным изучением безбожной печати и литературы» [10, л. 38].

Деятельность баптистов не встречала сопротивления среди населения, а нередко, наоборот, поощрялась и приветствовалась. Например, в селе Качеевка Екатеринбургского района в 1928 г. состоялся съезд баптистов Поволжья, на котором звучали песни баптистов, как отмечалось в донесении местных «безбожников» – «боевые, зовущие, явно контрреволюционного характера» [13, л. 34].

Влияние баптистов на население в местах их проживания было очень велико. Советские же детские массовые организации часто не приживались среди населения. Как отмечается в одном из документов региональной организации Союза воинствующих безбожников, баптисты «недавно развалили пионерский отряд путем разных угроз, уговоров» [13, л. 34].

В местах проживания баптистов дети не пели советские песни – «отец не велит». В дни религиозных праздников дети не ходили в школу. Отмечается факт, когда баптисты вечерами молились в помещении школы, а «завшколой им не мешала», даже, наоборот, перешла в другое помещение. То есть, здание советской школы было предоставлено верующим под религиозные мероприятия [13, л. 34].

Значительной протестантской деноминацией в Саратовском Поволжье являлись меннониты, переселившиеся в регион из Пруссии в середине XIX века. Меннониты были крупными производителями сельскохозяйственной продукции, применяли передовые методы и технологии выращивания зерна. Большинство их являлось зажиточными крестьянами. И если в разгар нэпа власть изучала производственный опыт меннонитов как представителей «культурных хозяйств» для его распространения [15], то в конце 1920 - х гг. на меннонитов начались гонения как на «кулаков».

«Кулаков - меннонитов» лишали избирательных прав. Им вменялось в вину владение сельскохозяйственной техникой и использование наемного труда. Так, например, в с. Балаши, недалеко от Новоузенска, сельский избирком лишил избирательных прав сразу 50

чел. меннонитов, в число которых вошли как зажиточные, так и середняки. Как отмечается в изученном документе, такое постановление взволновало местных меннонитов и последние на собрании обсуждали вопрос об эмиграции в Америку [5, л. 16].

Не только саратовские, но и все другие меннониты, проживавшие в СССР в конце 1920 - х гг. окончательно пришли к выводу, что в советской стране для них нет будущего. В 1929 г. началось мощное эмиграционное движение меннонитов. Свыше 13 тыс. меннонитов организовали так называемое «московское сидение», осаждали правительственные учреждения и германское посольство (Германское посольство представляло в то время интересы США и Канады в СССР), требуя выезда из СССР «к своим братьям» в Канаду и США. Лишь небольшой части меннонитов удалось выехать. Остальные были подвергнуты репрессиям и принудительно возвращены в места прежнего проживания [2, с. 39 - 66]. Эти события нашли отражение в секретном письме секретарю немецкой секции при Нижневолжском Крайкоме ВКП(б) Бергеру от секретаря Центрального Бюро немецкой секции при агитационно - пропагандистском отделе ЦК ВКП(б) Гебгарда, который требовал усиления работы с меннонитами и подавления эмиграционных настроений [8, л. 173 - 174].

Активными в Саратовском Поволжье были адвентисты, которые также издавали и распространяли свою литературу. В немецких поселениях большую активность проявляли штундисты, бетбрудеры (молящиеся братья) и танцбрудеры (танцующие братья). Эти западно - христианские «секты» также были не особенно терпимы к советской власти.

В 1926 г. в немецком селе Побочное Ягодно - Полянской волости состоялся неразрешенный съезд штундистов, на котором присутствовали 502 человека. На съезде штундисты обсуждали приближающийся конец света и приводили доказательства в пользу этого. В самом же селе Побочное 95 % семей, весь сельский совет состоял из членов этой религиозной организации [7, л. 13].

В отчете о прошедших в 1927 году в АССР немцев Поволжья выборах в местные Советы говорится, что в день выборов в Марксшадтском и Зельманском кантонах проводились конференции бетбрудеров, «с целью отвлечь трудящихся от перевыборов» [4, л. 7]. Конференции являлись важной частью механизма функционирования бетбрудерских организаций, на них координировалась их религиозная политика и жизнь.

В партийных отчетах «секты» бетбрудеров и танцбрудеров фигурируют постоянно. Так на заседании Бюро Обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья от 19 сентября 1928 г. обсуждался вопрос о запрещении бетбрудерам устраивать свои конференции чаще одного раза в три года [6, л. 72]. Кроме того, партийной фракции ЦИКа поручалось разработать особое постановление о том, чтобы заявление на разрешение созыва бетбрудерских конференций подавались не позднее, чем за два месяца до ее проведения, чтобы иметь возможность своевременно ставить в известность соответствующие кантональные комитеты ВКП(б), агитационно - пропагандистский отдел обкома и республиканскую организацию Союза воинствующих безбожников для принятия мер к проведению антирелигиозной пропаганды накануне и во время этих конференций в местах, где намечалось их проведение [6, л. 72].

Активно вели себя в Саратовском Поволжье также деноминации и «секты» православного происхождения: старообрядцы (поповцы, беспоповцы), духовные христиане (молокане), илиодоровцы, толстовцы, скопцы, федоровцы, хлысты и др. имелись также

маленькие группы чуриковцев (последователи Чурикова из Ленинградской области), гермогеновцы, а «в одном из мест» существовала религиозная группа из 6 человек «за веру и царя», на Увеке в пригороде Саратова имелась «секта свободной любви», которая (по мнению местных функционеров) напоминала танцующих братьев и хлыстов.

Наиболее опасными для себя власти считали духовных христиан (молокан), проживавших в Балашовском, Аткарском, Екатериновском районах. Молокане имели молочные хозяйства, объединялись в кооперативы. Руководили молоканами балашовские купцы: Елистратов, Осипов, Молоканов. Активных молокан – тех, кто негативно относился к советской власти, насчитывалось 446 человек. Среди молокан были и люди, положительно воспринимавшие советскую действительность [7, л. 13].

25 ноября 1928 г. в с. Упоровка молокане устроили «вечер любви». Рассказывали об истории их преследования. «Мы были «упоротыми», от этого пошло название села – Упоровка», - говорили организаторы мероприятия. Рассказывали интересно и их слушали «с вниманием и трепетом». Они рассказывали о том, как при царской власти молокане подвергались репрессиям: ссылкам и истязаниям - из их спин вырезали ремни.

Село было поделено молоканами на 5 участков, к каждому участку был прикреплен проповедник. Объединение детей Упоровки состояло из 270 человек с названием «Отряд белых пионеров». Молокане собирались в избах, пели псалмы, угощались кренделями, конфетами, вели беседы с родителями детей. Говорили о всемогуществе Бога и о последствии безбожия, что естественно воспринималось большевиками как контрреволюционная деятельность [13, л. 34].

На детей мероприятия оказывали неизгладимое впечатление и с большим трудом местные ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ и «путем уже угроз разогнала эту организацию». Руководители религиозной организации, боясь ареста, временно перестали работать. В то же время, как отмечали местные «безбожники», взамен мероприятиям молокан «ни ячейка, ни школа ничего не дала» детям. Наоборот, по мнению «безбожников», школа внушала слушаться старших, отцов и матерей и тем самым способствовала распространению сектантства [13, л. 34об].

Сохранились свидетельства о деятельности хлыстов. В частности, в Саратове хлыстовская община «постников» насчитывала 100 человек. Один из членов общины в Саратове даже занимал «руководящий пост» в системе советских органов власти [11, л. 94об].

В Саратовском Поволжье имелась и «секта» иудаистского происхождения - религиозные сионисты, которые признавали советскую власть, но воспринимали ее как неизбежное зло и ожидали ее падения. Также они призывали бороться с «сектантством» и церковью, и после падения советской власти сионисты должны были организовать «новое царство» [11, л. 94об].

Большинство рассмотренных выше религиозных организаций исповедовало непротивление злу насилием, пацифизм, в большинстве случаев не оказывало прямого сопротивления советской власти, тем не менее, занималось распространением своего религиозного мировоззрения. Вера запрещала членам этих деноминаций и «сект» держать в руках оружие.

Вопрос о воинской службе «сектантов» постоянно находился во внимании власти, и советское законодательство по этому вопросу постоянно претерпевало изменения. Так, в

мае 1926 г. начальник ГПУ АССР немцев Поволжья сообщил Председателю ЦИК республики о необходимости издания соответствующего распоряжения НКВД, на основании циркулярного распоряжения ОГПУ № 66551 от 18 мая 1926 г. об антимилиитаристических религиозных организациях, которые по своим религиозным убеждениям не хотят служить в армии [3, л. 60].

Требовалось издать распоряжение, на основании которого все вновь образующиеся религиозные организации должны при регистрации (перерегистрации) подписаться за безоговорочное служение в рядах Красной Армии с оружием в руках. Исключение делалось лишь для меннонитов и духоборов, к которым в этом вопросе традиционно относились более лояльно. «Если большинство общины не признает безоговорочно военной службы и меньшинство на этой почве отколетса, объявить перерегистрацию всей общины и требовать признания, как от большинства, так и от меньшинства» - говорилось в документе [3, л. 60]. В противном случае, руководство религиозной организации должно быть привлечено к ответственности. Это был прямой путь на раскол религиозных общин, ослабление наиболее непримиримых по отношению к советской власти сил.

Постепенно развертывая борьбу с «сектантством» в конце 1920 - х гг. большевики ставили перед собой задачу тщательного его изучения, выявления его сущности. На такой основе формировались и новые методы работы с представителями религиозных меньшинств. В организациях Союза воинствующих безбожников создавались «секции по работе среди сектантов». Инструкции по борьбе с «сектантством» требовали «развенчивать мифы о его, якобы революционных заслугах в борьбе с самодержавием, его лицемерное заявление о поддержке советской власти в борьбе против войны» [14, л. 45, 69].

Таким образом, на примере Саратовского Поволжья хорошо видно изменение политики государства в отношении неофициальных конфессий в СССР. Если в период расцвета нэпа к различным деноминациям и «сектам» такого рода и их действиям относились достаточно сдержанно, то в конце 1920 - х гг. при переходе к «развернутому наступлению социализма по всему фронту» они стали жертвами общей единой политики партийно - государственного руководства СССР на искоренение всякой религии из жизни советского общества.

Примечания:

1. «Баптист» - «духовно - назидательный» журнал, печатный орган российских баптистов. Издавался в 1907 - 1912, 1914, 1917, 1925 - 1929 годах. Издавался в разных городах. В 1926 г. - он вышел в Москве тиражом 10 тыс. экземпляров.

2.

Список использованной литературы:

1. Агурский М. Идеология национал - большевизма [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/agursk/02.php (дата обращения 20.06.2016)

2. Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: конец 1920 - х - 1930 - е гг. М., 1995. С. 39 - 66.

3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее - ГАНИСО). ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1152. Л. 60.

4. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1314. Л. 7.